

# БЕСконечный Город

Не мое дело

ДЕТЕКТИВНОЕ  
БЮРО

ЧАЙ  
КНИГИ  
И  
РАССУЖДЕНИЯ

ЗАЖИ  
ФОНАРЬ—  
РАСКРОЙ  
ТАЙНУ

ПРОЕЗДНОЙ  
БИЛЕТ  
МЕТРОПОЛИТЕН  
№:

## «Украденное алиби»

Юрий П.

**БЕСконечный город.  
«Украденное алиби»**

«Автор»

2026

**П. Ю.**

БЕСконечный город. «Украденное алиби» / Ю. П. — «Автор», 2026

В БЕСконечном городе можно потерять всё: кошелёк, репутацию, дорогу домой. А если ты младший оценщик Пликс — ещё и алиби. Его обвиняют в краже сейфа, хотя он клянётся, что был на лекции. Вот только магия города, записи и свидетели говорят иное. Остались лишь странные следы: пустое место в аудитории, вопрос без автора и несуществующая ветка метро. Частный сыщик Гарс — не маг и не герой, зато у него есть чутьё, связи и дурная привычка лезть не в своё дело. Вывеска на двери гласит: «Не моё дело», но сам он в неё уже давно не верит. И, похоже, это как раз его случай.

© П. Ю., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

|                                          |    |
|------------------------------------------|----|
| Глава 1. Денег Нет, Алиби Тоже           | 5  |
| Глава 2. Самооговор с Магическим Уклоном | 15 |

## Юрий П. БЕСконечный город. «Украденное алиби»

### Глава 1. Денег Нет, Алиби Тоже

Денег у меня не было.

Это даже не новость, а климат. Постоянная погода в моем бюро. Иногда — ливень из счетов, иногда — морось напоминаний. Солнце финансового благополучия не вставало здесь так давно, что я подозревал его в переезде в богатый район. У солнца, в отличие от меня, на дорогу хватало.

Я сидел за столом. Когда-то он был солидным. Потом старым. Затем опытным. Сейчас он находился в той благородной стадии, когда мебель не ломается, а философски расходится по швам. На столе лежали: три счета, два предупреждения, одна квитанция за магическое отопление и записка от домового инспектора. В записке утверждалось, что в моем помещении завелась задолженность.

Я перечитал.

Задолженность действительно завелась. Я даже знал, где она спит: в левом нижнем ящике, рядом с неоплаченными штрафами и мешочком медных кругляшей. Мешочек я берег на черный день. Черный день наступал каждое утро, поэтому мешочек давно похудел и звенел так жалобно, будто хотел подать на меня в суд за ненадлежащее содержание.

На двери, отделявшей бюро от лестницы, висела табличка: «Не мое дело».

Это было название.

Клиенты редко понимали юмор с первого раза. Некоторые — со второго. Большинство — только когда я называл цену. На этом месте они обычно решали, что дело действительно не мое, и уходили искать кого-то дешевле, моложе или хотя бы с ковром. Ковра у меня не было. Молодость тоже ушла без предупреждения, адреса не оставила.

Мне было около сорока. В БЕСконечном городе это значит: достаточно стар, чтобы не верить объявлениям метро, и достаточно молод, чтобы иногда на них попадаться.

Я брался почти за все, кроме поиска смысла жизни, возвращения чести и наследственных споров, где одна из сторон уже прокляла другую через нотариуса. Последнее было не принципом, а вопросом здоровья. Нотариальные проклятия плохо снимаются и отлично держатся на обуви, одежде и всем, к чему могут прицепиться.

В тот день я пытался решить, какой счет оплатить первым: за свет, отопление или лицензию на вывеску. Вывеска, утверждало уведомление, занимает «общественное внимание» и облагается внимательным сбором. Я уже хотел написать жалобу, но вспомнил: жалобы тоже облагаются сбором, если достаточно убедительны.

В дверь постучали.

Я посмотрел на счета. Счета посмотрели на меня. У них был вид документов, надеющихся на чудо.

— Войдите.

Дверь открылась осторожно — как будто снаружи стоял человек, не доверяющий ни мне, ни петлям. В комнату просунулся нос. За носом — владелец: худой, узкоплечий, в большом воротнике и маленькой шляпе. С выражением лица, какое бывает у людей, которые всю жизнь честно подписывали бумаги, а потом одна из бумаг подписала их в ответ.

Он оглядел бюро. Стол, два стула, шкаф с делами, окно с видом на стену соседнего дома. И мою табличку на двери изнутри, где надпись выглядела еще убедительнее.

— Это сыскное бюро? — спросил он.

— Если вы за коврами — нет.

Он моргнул.

— Я к Гарсу.

— Тогда повезло. Я сегодня почти он.

— Почти?

— До первого платежа все люди немного не те, кем кажутся.

Он снял шляпу, прижал к груди и шагнул внутрь. На вид — из тех, кто извиняется перед стулом, если сел слишком резко. На манжете пиджака блеснула бронзовая булавка ломбарда «Временно ваше»: круглая, с крошечным замком и надписью.

Ломбард я знал. Хорошее место, если срочно нужны деньги и вы готовы оставить в залог что-то менее важное, чем рука, но ценнее достоинства. Там принимали часы, амулеты, родовые кольца, проклятые сервизы, говорящие зеркала с характером и семейные тайны в конвертах. Тайны ценились плохо — большинство оказывалось дешевыми и с пятнами.

— Садитесь.

Он сел на край стула, будто боялся, что тот предъявит счет.

— Пликс. Младший оценщик третьего стола.

— Третьего?

— Первый оценивает драгоценности, второй — проклятые предметы, третий — всё, что спорит с оценщиком.

— Часто спорите с имуществом?

— Только по службе.

Я взял чистый лист. Роскошь, но клиент выглядел достаточно испуганным, чтобы заслужить официальный вид.

— Что случилось, Пликс?

Он сглотнул.

— У меня украли алиби.

Я приготовился записывать, но не стал портить бумагу раньше времени. Иногда лучшая реакция — дать глупости самой постоять в комнате. Если не падает — значит, возможно, это не глупость, а начало дела.

— Повторите.

— У меня украли алиби.

— Обычно приходят, чтобы его найти.

— Я тоже так думал. Но...

Он сказал это с таким несчастным достоинством, что я не стал улыбаться. Частный сыщик живет не только на деньги, но и на умение вовремя не испортить клиенту драму.

— Начнем с простого. Вас в чем-то обвиняют?

Пликс кивнул.

— В краже сейфа.

— Содержимого?

— Нет. Сейфа.

— Целиком?

— Он самозапирающийся.

— Это не ответ.

— Для него — ответ. Он всегда так говорил.

Я откинулся на спинку. Спинка скрипнула с таким укором, будто тоже хотела участвовать.

— Вы украли самозапирающийся сейф?

— Нет!

— Хорошо. Проверка. Люди, которые украли сейф, обычно отвечают: «Какой именно?»

Пликс побледнел.

— У нас он один.

— Тем хуже для статистики. Рассказывайте.

Он достал из кармана сложенный лист. Руки дрожали, бумага шелестела, как мышь, которой объявили налог на сыр. Я взял. Уведомление о внутреннем расследовании. Печать «Временно ваше», подпись управляющего, сухой канцелярский язык: младший оценщик Пликс временно отстранен в связи с исчезновением сейфа номер один. В документах он именовался «имущество постоянного хранения, самозапирающееся, самоуверенное».

— Самоуверенное? — переспросил я.

— Он настоял.

— Сейф?

— Он вел собственную книгу жалоб.

Я дочитал. Время: между девятью и десятью вечера. Доступ: три ключа, две печати, одно устное согласие сейфа, заверенное дежурным замком. Подозреваемый: Пликс. Имел ключ, дежурил, спорил с сейфом накануне. И был упомянут в последней записи книги жалоб.

— Что за запись?

Пликс зажмурился:

— «Если меня украдет Пликс — я предупреждал».

— Вы часто доводите мебель до пророчеств?

— Это была не мебель. Это был сейф.

— Простите. Не хотел оскорбить его социальное положение.

Он сжал шляпу так, что поля сложились внутрь.

— Я не крал его, господин Гарс.

— Просто Гарс.

— Да, господин просто Гарс.

— Нет. Просто Гарс.

— Простите.

Он был так искренне напуган, что трудно было сердиться. Даже город, наверное, стыдился бы. Хотя город редко упускает случай взять плату за стыд.

— Где вы были между девятью и десятью?

— На лекции. «Основы честной оценки проклятых предметов».

— Звучит как вечер, ради которого стоит украсть сейф, лишь бы не идти.

— Я был там! — Пликс подался вперед. — В третьем ряду, справа от прохода. Лектор читал про сосуды с остаточным злопамятством. Показывал чайник, который с каждым кипячением снижает залоговую стоимость кухни. Я задавал вопрос.

— Какой?

— Можно ли считать проклятие дефектом, если покупатель сам его просил.

— Хороший вопрос.

— Лектор сказал, что хороший. А теперь говорит, что такого вопроса не было.

Я сделал первую запись.

— Кто еще вас видел?

— Двенадцать человек. Должны были видеть. Старший оценщик, две ученицы, хранитель каталога, женщина в зеленом платке, мужчина с очень упрямой бородой...

— Борода была упрямее мужчины?

— Намного. Она занимала еще полместа рядом с ним.

— И все они вас не помнят?

— Помнят лекцию. Третий ряд. И что справа от прохода кто-то кашлял.

— Вы кашляли?

— У меня аллергия на остаточное злопамятство.

— Удобно.

— Но они не помнят меня.

Он произнес это почти шепотом. В комнате стало тише. Не потому что история стала правдоподобной. Наоборот — слишком неправдоподобной, чтобы быть обычной ложью. Обычная ложь экономна: «Я был дома», «Я спал», «Я не знал». У нее маленький бюджет. Пликс принес историю с лекцией, бородой, чайником, двенадцатью свидетелями и сейфом, который заранее подозревал его в краже. Это было либо безумие, либо БЕСконечный город в хорошем настроении.

Разница между ними обычно выясняется после аванса.

— Документы посещения были?

— Да. На лекции ставили магическую отметку. Для учета повышения квалификации.

— И?

Пликс вытащил второй лист.

Ведомость оказалась аккуратной. Слишком аккуратной. Двадцать семь имен, у каждого — светлая точка подтверждения. На месте Пликса — пустая строка. Не зачеркнутая, не стертая, не испорченная. Просто пустая. Будто бумага никогда о нем не слышала.

— Кто вел?

— Автописец. Новый.

— Тогда он должен ошибаться чаще.

Пликс жалко улыбнулся. Юмор дошел, но сил отвечать не было.

— Я ходил к устроителям. Они сказали: мест нет не только в списке, но и в памяти зала.

— Памяти зала?

— Лекционная аудитория сохраняет общий отпечаток слушателей. Чтобы спорные зачеты не подделывали.

— И отпечаток?

— Третий ряд есть. Кашель есть. Свободное место справа от прохода — есть.

— Свободное.

— Да.

Я положил ведомость рядом с уведомлением. Две бумаги смотрели друг на друга как дальние родственники на похоронах: вроде связаны, но говорить не о чем.

— Вы уверены, что не перепутали день?

Он выпрямился.

— Я младший оценщик третьего стола. Могу перепутать цену, если предмет убеждает. Могу перепутать проклятие с характером владельца. Это часто одно и то же. Но лекции я не путаю. За них доплачивают.

Сильный довод. Люди забывают любовь, долги и обещания. Но редко — то, за что им доплачивают.

— Сколько?

— Три серебряных и право не дежурить в субботу.

— Ради субботы люди совершали и худшее.

— Я был на лекции.

Я кивнул.

— Допустим. Что пропало вместе с сейфом?

Пликс замялся.

— Это сложно.

— Если бы было просто, вы бы пришли к кому-нибудь с ковром.

— В сейфе хранились вещи, которые нельзя хранить в обычных сейфах.

— Потому что опасны?

— Потому что обижаются.

— На что?

— На недоверие.

Я вздохнул. Вещи, обижающиеся на недоверие, обычно заслуживают его в первую очередь.

— Список есть?

— У управляющего.

— Видели?

— Только общий: семь запечатанных ячеек, два зеркальных договора, один зуб неизвестного права собственности, браслет невозвращенного обещания и коробка без ярлыка.

— Коробка без ярлыка — всегда плохо.

— Почему?

— Если на коробке нет ярлыка, значит кто-то решил, что ярлык страшнее содержимого.

Пликс посмотрел на меня так, будто я подтвердил его худшие ожидания и добавил проценты.

Я встал, подошел к окну. За стеклом — стена соседнего дома. На стене — реклама метро: «До любой станции — почти всегда туда». Мелким шрифтом: «Администрация не отвечает за прибытие пассажиров в смысловом, юридическом и семейном отношении».

Метро в БЕСконечном городе удобно, если не задавать вопросов. Оно связывало районы, которые иначе пришлось бы обходить неделями, месяцами или по завещанию. Большинство горожан пользовалось им каждый день и относилось к этому как к погоде: ворчали, платили и надеялись не попасть на ветку, где контролеры проверяют не билет, а жизненные решения.

— Вы ехали на лекцию метро?

Пликс моргнул.

— Да.

— Линия?

— Центральная до Узловой, потом пересадка на Серую.

— Билет сохранился?

Он полез в карман и достал тонкую полоску плотной бумаги. Билеты метро любили выглядеть старомодно. Это внушало пассажирам мысль, что город хотя бы делает вид, будто понимает, куда их отправляет.

Я взял.

Отправление: Ломбардная. Пересадка: Узловая. Назначение: Лекторий Третьего Согла-  
сия. Вход: 20:22. Выход: пусто.

Я поднял взгляд.

— Вы вышли?

— Конечно.

— Билет так не считает.

— Но я был на лекции!

— Билет считает, что вы вошли в метро и никуда не вышли.

Пликс побледнел еще сильнее. Я не знал, возможно ли это с медицинской точки зрения, но он старался.

— Значит, я все еще в метро?

— Нет. Вы сидите в моем бюро и портите стул волнением.

— Тогда почему...

— Потому что кто-то не стер ваш день целиком. Он вынул из него подтверждения. Свидетели помнят место без вас. Ведомость — строку без имени. Билет — вход без выхода.

Я сказал это и услышал, как фраза легла в воздух. Не объяснение, но форма объяснения. Иногда дело начинается именно так: не с ответа, а с контура пустоты.

Пликс смотрел так, будто я уже спас его, хотя всего лишь назвал яму ямой.

— То есть вы мне верите?

— Я верю бумагам, когда они врут одинаково.

— Они врут?

— Нет. Вот что неприятно.

Он снова сжал шляпу.

— Вы возьметесь?

Я посмотрел на счета. Потом на билет. Потом на Пликса. Потом снова на счета. Профессиональная этика подсказывала: нельзя брать дело только потому, что клиент пришел в момент финансовой гибели. Личная практика подсказывала: этика редко платит за отопление.

— Аванс.

Пликс оживился, достал кошелек. Маленький, потертый, грустный — мой мешочек мог бы с ним подружиться. Он вытряхнул на стол четыре серебряных, девять медных и одну плоскую монету с дыркой.

— Это не наша монета.

— Она сама пришла. В сдаче.

Я взял монету с дыркой, посмотрел на свет. Сквозь отверстие видна была дверь и табличка «Не мое дело». Табличка смотрелась как совет. Я же, как обычно, не собирался ему следовать.

— На первый день хватит.

Пликс выдохнул.

— Что мне делать?

— Ничего героического. Не бегите, не прячьтесь, не пытайтесь доказать невиновность людям, которым за сомнения не доплачивают. И не разговаривайте с сейфами, если они вдруг начнут связываться.

— Но сейф украден.

— Тем более. Украденные сейфы часто становятся общительнее.

Он кивнул так серьезно, будто я сообщил важное профессиональное правило. В БЕСконечном городе проблема была не в том, что люди верили в странное. Проблема — в том, что странное верило в них первым.

Я спрятал аванс в ящик, где задолженность уже потирала руки, и взял плащ.

— Мы идем в ломбард? — спросил Пликс.

— Сначала на лекцию.

— Почему?

— Украсть сейф трудно. Украсть лекцию из человека — интереснее.

— Но лекция уже закончилась.

— Зато последствия, как обычно, задержались.

Лекторий Третьего Соглашения находился в районе, который официально назывался Образовательным, а неофициально — местом, где люди платят за право узнать, насколько они были неправы до этого. Добраться пешком можно за несколько часов, если не сворачивать и не спорить с указателями. Указатели в том районе имели педагогический уклон и любили задавать встречные вопросы.

Мы спустились по лестнице. На втором пролете из двери выглянула соседка — госпожа Мерва. Она торговала сушеными предсказаниями и свежими слухами, причем слухи сбывались чаще.

— Гарсик, — сказала она.

Я закрыл глаза.

— Гарс.

— Конечно, милый. Гарсик, к тебе опять клиент?

— Нет, это алиби пришло забрать сдачу.

Пликс дернулся.

Мерва прищурилась:

— Алиби нынче беспокойные. У Тирры с третьего этажа вчера муж потерял алиби на карточный вечер.

— И где нашлось?

— У соседки.

— Это не алиби, это улика.

— Я ему так и сказала.

Она посмотрела на Пликса, на шляпу, на меня, на дверь, которую я запираю на ключ — потому что замок без ключа начинал скучать и щелкать в неподходящие моменты.

— Ты за квартиру когда заплатишь?

— Как только расследую преступление против платежеспособности.

— То есть никогда?

— Вы недооцениваете мой оптимизм.

— Я его в прошлом месяце сушила. Плохо хранится.

Мы вышли на улицу под ее довольное фырканье. Пликс шагнул рядом и старался не задавать вопросов. Редкое качество. Я сразу заподозрил, что надолго не хватит.

— Почему она назвала вас Гарсиком? — спросил он через десять шагов.

Не хватило.

— Потому что некоторые люди не ценят жизнь.

— Это ваше полное имя?

— Это ошибка прошлого.

— Но звучит...

— Пликс.

— Да?

— Хотите найти алиби?

— Очень.

— Тогда не ищите мое детство.

Он кивнул и замолчал. Умный клиент. Возможно, временно.

Мы свернули к метро. Ближайшая станция называлась Ломбардная — потому что в этом городе даже подземка любит напоминать о финансовом положении.

Станция пряталась между лавкой потерянных ключей и конторой срочного составления оправданий. Над входом висела светящаяся надпись: «Пассажиры без направления оплачивают двойной тариф». Ниже кто-то приписал мелом: «Пассажиры с направлением — тоже». Одна из тех городских правд, за которые лицензию не выдают, чтобы потом было проще штрафовать.

Мы спустились.

Метро пахло озоном, мокрым камнем и чужой спешкой. На стенах шевелились схемы линий. Перестраивались, пока на них смотрели, и делали вид, что так и было. Центральная сияла уверенной золотой полосой. Серая выглядела так, будто ее нарисовали после тяжелого разговора с бухгалтером.

У турникетов сидел контролер. Вернее, над турникетами висела его верхняя половина — нижняя, по словам таблички, находилась на обеде. Он листал журнал нарушений и скучал.

— Билеты.

Я показал проездной жетон. Пликс — свой билет.

Контролер взял двумя пальцами, поднес к глазам, нахмурился.

— Неполный выход.

— Я вышел, — сказал Пликс.

— Не ко мне. Я не составлял вашу биографию.

— Нам нужно проверить запись прохода, — сказал я.

- Основание?
- Частное расследование.
- Справка?
- Клиент.
- Клиенты не справка.
- Смотря какие.

Пликс попытался выглядеть справочно. Получилось тревожно.

Контролер вздохнул, ткнул пальцем в окошко рядом с турникетом:

— Архив проходов. Три медных за запрос. Пять — если хотите получить ответ. Семь — если хотите ответ по своему вопросу.

- А за правду?
- Не к нам. Район другой.

Я заплатил семь. Задолженность в ящике, наверное, почувствовала это на расстоянии и заплакала.

Окошко открылось. Внутри — женщина с серебряной линзой вместо левого глаза. Перед ней — карточки проходов, каждая тонкая, как чужое оправдание.

- Время?
- 20:22, Ломбардная. Пликс, младший оценщик.
- Документ?

Пликс протянул служебную карточку.

Женщина провела над пластиной. Пластина вспыхнула, кашлянула, показала силуэт Пликса. Потом силуэт дернулся, распался и превратился в пустое место в форме человека.

— Любопытно, — сказала она.

Я не любил, когда служащие говорили «любопытно». Обычно это значило: платить придется еще.

- Что там?
- Вход есть. Пассажир не определен.
- Но силуэт был.
- Было место, где должен быть силуэт.
- Это разные вещи?

Она подняла на меня линзу:

- Если вы видите дырку в стене — вы говорите, что это окно?
- В некоторых районах — да.
- Не в моем.

Она вытащила карточку прохода, положила на стойку. Пустой контур человека, время входа, маршрут до Узловой. Дальше линия обрывалась чисто, будто откушенная.

- Выхода нет. Пересадки нет. Нарушения нет.
- Почему нет нарушения?
- Чтобы было нарушение, нужен нарушитель.

Пликс тихо пискнул.

Я взял карточку, не касаясь светящегося края.

- Копию можно?
- Уже сделали.
- Я не просил.
- Поэтому честная.

Я заплатил еще два медных за честность. Всю жизнь подозревал, что она должна стоить дешевле.

Когда отошли, Пликс выглядел так, будто его постепенно вычеркивают из собственного лица.

— Господин Гарс...

— Просто Гарс.

— Просто Гарс, что это значит?

Я посмотрел на карточку. Пустой контур. Чистый обрыв маршрута.

— Это значит, что у вас не просто украли алиби.

— А что?

— Кто-то взял все места, где мир должен был подтвердить: «Пликс был здесь», и заставил их сказать: «Здесь было место для Пликса».

— Зачем?

— Хороший вопрос.

— У вас есть ответ?

— Пока нет. Но есть начало.

В этот момент над платформой щелкнуло объявление. Голос метро — вежливый, усталый и слегка влажный, как полотенце в дешевой бане:

— Уважаемые пассажиры. Поезд Центральной линии до станции Узловая прибывает через три минуты. Просьба не забывать личные вещи, детей, направления и подтвержденное присутствие.

Пликс медленно повернул ко мне голову.

— Оно всегда так говорит?

— Нет.

— Это плохо?

— Для начала дела — отлично.

Поезд подошел без звука. Двери открылись. Из вагона вышли люди, запах дождя и раздраженный чемодан. На мгновение в стекле двери отразился я: плащ, усталое лицо, глаза человека, который только что продал спокойный день за четыре серебряных, девять медных и монету с дыркой.

За моей спиной — Пликс.

А рядом с ним, там, где должно быть пустое пространство платформы, стоял еще один контур. Человеческий. Прозрачный. Без лица.

Он поднял руку и приложил палец к месту, где должен быть рот.

Потом двери мигнули, отражение дернулось — и контур исчез.

Пликс ничего не заметил. Смотрел на поезд как человек, надеющийся, что транспорт хотя бы не станет свидетелем обвинения.

Я спрятал карточку во внутренний карман.

— Пликс.

— Да?

— На лекции справа от вас было свободное место?

— Нет. То есть... теперь говорят, что да.

— А кто должен был сидеть слева?

— Женщина в зеленом платке.

— Хорошо. Сначала Лекторий. Потом она.

— А сейчас?

Я вошел в вагон.

— Сейчас проверим, помнит ли метро, кого потеряло.

Двери закрылись. Поезд тронулся. На схеме над выходом вспыхнула Центральная, потом Серая, потом на долю секунды между ними проступила тонкая бледная черта без названия.

Я успел прочитать только одну букву.

О.

Схема мигнула — и снова стала обычной. Почти обычной.

В БЕСконечном городе слово «почти» было тем крючком, на котором висело всё остальное.

## Глава 2. Самооговор с Магическим Уклоном

Метро помнило людей примерно так же, как должники помнят обещания: выборочно, с обидами и только после оплаты.

Поезд шел мягко, без стука и дрожи. В БЕСконечном городе тишина редко означала покой. Чаще — что что-то уже подкралось и ждет, пока вы сами поймете, насколько поздно начали волноваться.

Пликс сидел напротив, вцепившись в шляпу. Шляпа мужественно терпела, хотя по виду уже составляла внутреннюю жалобу.

Над дверью вагона светилась схема. Центральная, Серая, боковые ветки — и между ними та самая бледная черта, появлявшаяся на долю секунды и исчезающая, как мысль о своевременной оплате счетов. Я смотрел слишком пристально. Схема, заметив это, сделала вид, что всегда была простой и законопослушной.

— Вы ее видели? — спросил Пликс.

— Линию?

— Да.

— Видел.

— Значит, я не схожу с ума?

— Одно другому не мешает.

Он побледнел.

— Это была поддержка?

— В моем исполнении — почти.

Мы доехали до Узловой, пересели на Серую и вышли у станции Лекторий Третьего Согласия. Третье Согласие, гласила городская история, было единственным, на котором когда-либо сошлись преподаватели, студенты и бухгалтерия. Первое сорвалось из-за сроков, второе — из-за обеда.

Станция выводила к площади Зачетных Надежд. Три одинаковых здания, каждое с табличкой «Лекторий». Первое принимало слушателей, второе — жалобы, третье — жалобы на жалобы. Между ними ходили люди с папками и лицами, на которых было написано: образование уже началось, а понимание задерживается.

— Куда нам? — спросил Пликс.

— Туда, где меньше очередь.

— Но это может быть не тот корпус.

— Если в учреждении меньше очередь — оно либо закрыто, либо опасно. В обоих случаях узнаем быстрее.

Мы вошли в среднее. Пахло мелом, старой магией и страхом перед формулировками. На стене — доска объявлений. Верхняя половина сообщала расписание, нижняя опровергала верхнюю по процедурным основаниям. В углу скромно мерцала табличка: «Администрация не отвечает за знания, полученные без квитанции».

За стойкой сидел привратник. Маленький, круглый и такой неподвижный, что сперва я принял его за печать. Потом печать подняла глаза.

— Справки по посещению — окно четыре, — сказал он.

— Я еще не спрашивал.

— У вас лицо человека, которому нужна справка.

— У меня часто такое лицо.

— Значит, вам часто в окно четыре.

Окно четыре находилось за поворотом, под портретом основателя. Основатель смотрел так, будто всю жизнь подозревал знания в недостаточной отчетности. Перед окном стояли трое:

девушка с учебником, старик с дипломом в рамке и человек с пустой рамкой, который спорил с ней о содержании.

Мы встали в очередь.

— Что будем спрашивать? — прошептал Пликс.

— Обычное. Кто вы, где были и почему мир делает вид, что его это не касается.

— А если не помогут?

— Тогда помогут не тем способом, на который рассчитывали.

Очередь двигалась со скоростью официального признания ошибки. Старик с дипломом успел доказать, что диплом настоящий, но принадлежит внуку, девушка выяснила, что сдала экзамен будущей весной, а человек с пустой рамкой получил замечание за отсутствие содержательной пустоты.

Наконец подошли мы.

В окне сидела женщина в строгом темно-синем платье. Перед ней — ведомость, рядом — автописец: тонкий медный механизм на трех ножках, с грифелем вместо носа и повадками мелкого чиновника. Царапал по бумаге сам, иногда останавливался, чтобы выразительно не согласиться с написанным.

— Фамилия, имя, причина беспокойства, — сказала женщина.

— Гарс. Частный сыск. Причина беспокойства — чужая.

— Чужие причины принимаются по вторникам.

— Сегодня вторник?

— Нет.

— Тогда тем более никто не заподозрит порядок.

Она посмотрела на меня, потом на Пликса.

— Пликс, младший оценщик третьего стола, — сказала она без вопроса.

Пликс дернулся.

— Вы меня помните?

— Нет. Но у вас вид человека, которого сегодня уже вычеркивали из списка.

Сказано без злобы. В Лектории вообще умели говорить неприятное ровно, будто это часть программы.

Я положил на стойку копию карточки прохода и ведомость из ломбарда.

— Нам нужна запись посещения вчерашней лекции.

— Название?

— «Основы честной оценки проклятых предметов».

Автописец дернулся, царапнул по бумаге и вывел: «Слушатель отсутствовал, но место вело себя занято».

Женщина нахмурилась.

— Не люблю, когда автописец делает выводы раньше запроса.

— А я не люблю, когда выводы лучше запросов.

Она вынула папку. Внутри — листы посещения, план аудитории, жалобы на чайник и записка лектора: «Борода в третьем ряду мешала обзору, но, возможно, имела право».

Пликс подался вперед.

— Вот! Борода! Я говорил!

— Бороды часто выступают как свидетели, — сказала женщина. — Но редко подписывают показания.

План был аккуратным. Третий ряд, справа от прохода — свободное место. Слева — пометка «платок зеленый, опоздала на семь минут, спорила с дверью». Справа — пустота. Не пропуск, не пятно. Пустота, обведенная тонкой линией — словно кто-то решил: отсутствие обязано сидеть прилично.

— Ваш план? — спросил я.

— Автоматический.

— Может ошибаться?

— Конечно.

Пликс оживился:

— Правда?

— В пределах допустимой ошибки. Допустимая ошибка для плана аудитории — один стул, половина кафедры или до двух студентов философского отделения.

— А оценщик ломбарда?

— Не входит.

Пликс сник.

Я наклонился над планом.

— Что значит линия вокруг пустого места?

Женщина поджала губы.

— То, что место было занято юридически, но не фактически.

— Для людей, не состоящих в браке с канцелярией?

— Кто-то должен был там быть. Система не знает кто. Поэтому оставила место свободным, чтобы не нарушить рассадку.

— Очень вежливо.

— Система гордится собой.

Я попросил показать отпечаток зала. Женщина не стала спорить — либо любопытно, либо решила, что так я быстрее уйду. Оба мотива в учреждениях считались рабочими.

Нас провели в аудиторию.

Третий зал был длинным, ступенчатым и слишком чистым. Чистота в учебных заведениях всегда подозрительна. Нормальные знания оставляют пыль, пятна, ругань на полях и следы отчаяния на подоконниках.

На кафедре стоял чайник. Медный, пузатый, с носиком, изогнутым как ехидная улыбка. На боку — бирка: «Экспонат. Не кипятить вблизи имущества, чувств, мебели и лиц с самооценкой».

— Это он, — прошептал Пликс.

— Чайник?

— Да.

— У него есть алиби?

— Он был на лекции.

— В отличие от вас.

Пликс посмотрел с таким страданием, что я решил не развивать тему. Иногда юмор должен знать, когда оставить человека в покое.

Женщина нажала медную кнопку. Воздух над третьим рядом дрогнул. Появились полупрозрачные силуэты: головы, плечи, книги, зеленый платок, упрямая борода, поднятая рука без владельца.

Поднятая рука висела справа от прохода.

Пликс выдохнул.

— Это моя рука.

— Не вся, — сказал я.

— Я узнаю манжету.

Силуэт руки дрожал. От локтя вниз четкий, дальше растворялся. Место вокруг — пустое.

— Можно остановить на вопросе? — спросил я.

Женщина нажала другую кнопку. Силуэты замерли. Лектор у кафедры, чайник на столе, борода в третьем ряду, зеленый платок повернут к пустому месту. Рука Пликса тянется вверх.

— Звук есть?

— Фрагментами.

Она повернула рычаг. Из воздуха раздался голос:

— \*...вопрос из третьего ряда. Да, вы, справа от прохода. Если предмет проклят по просьбе владельца, дефектом считается не проклятие, а владелец...\*

Потом звук оборвался — будто вырезали ножницами.

Пликс смотрел на пустое место рядом со своей рукой.

— Он ответил мне.

— Да, — сказал я. — Вас из записи выкинули, но вопрос убрать забыли.

— Это хорошо?

— Для дела — хорошо. Для самолюбия — спорно.

Я попросил копию отпечатка. Женщина посмотрела так, как смотрят служащие, когда понимают: человек перед ними собирается продолжать задавать вопросы.

— Это частное дело?

— Пока да.

— Тогда лучше сделать его не частным.

— Почему?

Она закрыла папку.

— Потому что вы не первые.

Я перестал считать дело мелкой неприятностью.

— Сколько?

— В журнале жалоб — один.

— Пликс?

— Нет. За последние сутки приходили еще двое. Один требовал подтвердить, что был на лекции по налоговым иллюзиям. Второй — что не был, хотя все помнили обратное. Оба ушли в Центральный район.

— В полицию?

— В Управление порядка и разумных объяснений.

— Значит, в полицию.

— Если вам нравится грубая терминология.

Я взял копию отпечатка, план и чек. Чек был самым тяжелым документом из трех.

Пликс шел за мной молча. Уже не умное молчание клиента — молчание человека, который увидел собственную руку без себя.

На выходе автописец царапнул по листу. Женщина протянула мне бумагу: «При повторном отсутствии обратиться туда, где отсутствие учитывают профессионально».

— Куда? — спросил Пликс.

Я посмотрел на герб Центрального района внизу листа.

— Туда, где любую беду сначала регистрируют, потом портят, а потом требуют благодарности.

\*\*\*

Центральный район начинался с уверенности.

Дома стояли ровно, окна смотрели прямо, фонари горели с видом, будто им выдали полномочия. Даже лужи отражали небо по установленной форме. В Центральном районе власть была везде: в башнях, печатях, знаках, лицах прохожих, которые старались идти так, чтобы не нарушить направление.

Пликс прижимал к груди шляпу и пакет.

— Меня арестуют?

— Возможно.

— Вы могли бы сказать «нет».

— Мог бы. Но тогда вы начали бы доверять.

— А это плохо?

— До оплаты полного гонорара — опасно.

Управление занимало серое здание с колоннами. Колонны были такими строгими, что рядом хотелось признаться в чем-то мелком, лишь бы пройти быстрее. Над входом — девиз: «Каждому происшествию — приемлемую формулировку». Ниже мелко: «Неприемлемые принимаются через отдельное окно».

Я знал это здание. К сожалению, оно тоже знало меня.

Внутри пахло чернилами, мокрыми плащами и осторожной ложью. В приемной сидели люди, нелюди и двое, которые еще не определились. Очередь тянулась к стойке. Над ней — таблички: «Кражи», «Пропажи», «Самооговоры», «Магические недоразумения», «Прочее, но не очень».

Пликс посмотрел на таблички.

— Нам куда?

— Судя по лицу дежурного — в неприятности.

Дежурный был широким, с глазами человека, который за годы службы научился не удивляться ничему, кроме собственной зарплаты.

— Имя?

— Гарс.

Он поднял глаза.

— Опять?

— Я тоже рад стабильности.

— Жалоба?

— Украденное алиби.

Он медленно посмотрел на Пликса.

— Ваше?

Пликс кивнул.

— Сами украли?

— Что?

— Алиби. Так бывает. Сначала прячут, потом забывают где, потом обвиняют город.

— Я не...

— Тихо, — сказал я. — Он задает вопросы не для ответов, а чтобы форма не чувствовала себя одинокой.

Дежурный вздохнул, достал бланк, поставил штамп: «Самооговор с магическим уклоном».

— Это не самооговор, — сказал я.

— Пока нет. Но формулировка хорошая.

— Для кого?

— Для статистики.

— А для человека?

Он посмотрел на Пликса.

— Человек в статистику не входит, если не подает отдельное заявление.

Пликс открыл рот, закрыл. Я положил руку ему на плечо.

— Дышите. Это всего лишь полиция. Они страшны только тем, что существуют.

— Гарс, — сказал кто-то за спиной. — Ты опять пугаешь заявителей до того, как мы успели это сделать.

Я обернулся.

С лестницы спускался Риг Велт. Старший дознаватель отдела странных обстоятельств и один из немногих в Центральном районе, у кого совесть была личной. Сильно мешало карьере. Иногда помогало мне.

Риг широк в плечах, узок в улыбке, форму носил так, будто она задолжала ему объяснения. На виске — серебряный знак отдела: глаз, смотревший в сторону, потому что прямо на странные обстоятельства смотреть вредно.

— Риг, — сказал я. — Ты выглядишь почти живым.

— А ты почти платежеспособным. Значит, мы оба врем.

Он посмотрел на Пликса, бумаги, штамп.

— Украденное алиби?

— Уже слышал?

— Сегодня все только о них и молчат.

Мне не понравилось слово «них». Пликсу тоже.

Риг кивнул в сторону коридора.

— Ко мне.

Кабинет Рига — третий этаж, между архивом невозможных совпадений и комнатой для свидетелей, которые сами не уверены, свидетели ли они. На двери — табличка: «Отдел странных обстоятельств». Кто-то снизу приписал: «Нормальные не принимаем».

— Твоя работа?

— Нет. Но стирать не стал.

В кабинете тесно от шкафов, бумаг и осторожных выводов. Риг убрал со стула стопку дел, показал Пликсу садиться, забрал у меня копии. Читал быстро. Хороший дознаватель читает так, будто документы могут сбежать.

— Ломбард, лекция, метро, пустое место, рука без владельца, — перечислил он. — Неплохо для утра.

— После обеда.

— В нашем отделе утро длится до первого объяснения.

— Пликса обвиняют в краже сейфа.

— Самозапирающегося?

— Ты знаешь?

Риг поднял бровь.

— Гарс, если в городе исчезает сейф, умеющий жаловаться, об этом узнают раньше, чем о пожаре в налоговой. Он оставил заявление.

Пликс вскинулся:

— Что?

— Не лично. Книга жалоб с отсроченной подачей. Последняя запись ушла автоматически.

— Там написано, что я его украл?

— Там написано: если украдет Пликс — я предупреждал. Юридически это не обвинение.

Пликс выдохнул.

— Пока, — добавил Риг.

Пликс снова перестал дышать.

Риг открыл ящик, достал тонкую папку без номера.

— Официально я ничего не показываю.

— А я ничего не вижу.

— Отлично. Значит работаем в рамках закона.

В папке — три заявления. Первое — от Пликса, составленное дежурным до нашего прихода, и поэтому почти не имеющее к Пликсу отношения. Второе — от женщины Сарны, помощницы архивариуса, потерявшей подтверждение присутствия на ночной смене. Третье — от человека с титулом и слишком длинным именем, начинавшимся с «Тер» и заканчивавшимся угрозой подать жалобу на саму возможность жалоб.

— Трое? — спросил я.

— Официально. Еще двое пытались узнать, можно ли вернуть алиби без регистрации. Один ушел при слове «протокол». Второй предложил купить это слово и запретить его использование.

— Богатый?

— Очень.

— Наследник?

Риг посмотрел внимательнее.

— Почему спросил?

— Богатые редко покупают слова по одному. Обычно берут семьями.

Риг не улыбнулся.

— Один из пострадавших — из дома Терринов.

Я присвистнул.

Дом Терринов владел кварталами, складами, половиной благотворительных фондов и несколькими грехами, оформленными на дальних родственников. Если их наследник потерял алиби — город скоро начнет делать вид, что это не преступление, а недоразумение.

— И ты хочешь закрыть дело как самооговор?

— Я хочу дожить до вечера.

— Скромная цель.

— В Центральном районе скромность — способ выживания.

Он постучал по заявлениям.

— Общее: провал около часа. Связка с метро. Подтверждение не пустое, а неправильное.

Это не стирание памяти.

— Я тоже так думаю.

— Тогда мне стоит пересмотреть вывод.

— Почему?

— Когда мы с тобой согласны, город обычно готовит счет.

Пликс робко поднял руку.

— Если я не один — это хорошо или плохо?

Мы с Ригом посмотрели на него.

— Для вас — плохо, — сказал Риг. — Но убедительнее.

— А для дела?

— Лучше, — сказал я. — Один без алиби — подозреваемый. Несколько с одинаковой дырой — уже схема.

Риг закрыл папку.

— Могу дать копии неофициально.

— А официально?

— Официально должен попросить не мешать следствию.

— Следствие идет?

— Нет.

— Тогда чему мешать?

— Возможности когда-нибудь начать.

Я посмотрел на Пликса. Он хотел, чтобы взрослые перестали говорить умно и начали спасать его от тюрьмы.

— Мне нужен доступ к записи по Террину.

Риг покачал головой.

— Нет.

— Риг.

— Гарс.

— Я уже в деле.

— Именно поэтому.

Он достал из папки лист и протянул мне.

— Могу случайно забыть на столе адрес человека, который знает, кто пытался снять заявление Террина до регистрации.

— Ты стал рассеянным.

— Работа.

На листе: «Серебряный Проезд, дом семь. После девяти. Не приходить с полицией».

— Ловушка?

— Центральный район. Даже приглашение на чай сначала проходит стадию ловушки.

Пликс сглотнул.

— А мне что делать?

Риг посмотрел мягче.

— Не возвращайтесь в ломбард один. Не подписывайте признаний, объяснений, уточнений, отказов от уточнений и благодарностей. Если подойдет сейф — зовите свидетелей.

— Сейф может подойти?

— Он самозапирающийся, а не самоходный, — сказал Риг. — Но сегодня я не готов спорить с возможностями.

Мы вышли с копиями, адресом и ощущением, что одно дело уже стало тремя.

В коридоре Пликс остановился.

— Господин Гарс...

— Просто Гарс.

— Просто Гарс. Вы правда думаете, что это схема?

— Да.

— И не обо мне?

— Хорошие новости: вы не центр заговора.

Он выдохнул.

— Плохие: вас использовали как часть механизма.

Он вдохнул уже без радости.

— Какую часть?

Я посмотрел на билет метро, пустой выход, адрес Серебряного Проезда. На краю бумаги на миг проступила бледная линия.

— Если механизм собирали из украденных алиби — кому-то понадобилось доказать не где люди были.

— А что?

— Где их не было.

Пликс молчал до выхода. На улице Центральный район сиял порядком, печатями и самодовольством. Вдалеке звонили часы магистрата. Каждый удар — будто время здесь тоже ходит по разрешению.

Я спрятал бумаги.

— Теперь куда? — спросил Пликс.

— Спрячем вас там, где ломбард не станет искать первым делом.

— Где?

— У меня в кабинете.

— Но вы сказали, туда приходят кредиторы.

— Именно. Никто не ищет невинного там, где все выглядят виноватыми.

Он задумался.

— Хорошее место?

— Нет.

— Тогда почему...

— Потому что хороших нет. Есть только знакомые и плохие.

Мы спустились по ступеням. Сквозь открытые двери я увидел дежурного — он ставил новый штамп на бланк. Я вернулся и прочитал верхнюю строку: «Утрата оправдательных обстоятельств».

Еще один.

Дежурный заметил мой взгляд, прикрыл бланк ладонью.

— Не твое дело, Гарс.

Я посмотрел на него, на Пликса, на двери, за которыми Центральный район делал вид, что город под контролем.

— У меня вывеска такая, — сказал я. — Но я редко ей верю.